

ИНТЕРЕСНЫЙ ВИЗИТ К МИСТЕРУ КЕНДАЛЛУ

Делать этого, конечно, не следовало, но старая гуртовая дорога властно меня манила. После утреннего объезда следовало торопиться в приемную, однако широкая зеленая тропа так чарующе вилась по вершине среди вереска между осыпающимися каменными стенками! И я сам не заметил, как вышел из машины и зашагал по жесткой упругой траве.

Однако стенка отгораживала дорогу от крутого склона, а внизу вдаль, в зеленой складке холмов, прятался Дарроуби. В ушах у меня гремел ветер, но я сел, прислонился к серым камням, и ветер превратился в чуть слышный шепот, а лицо мне согрело весеннее солнце — не жгучее, не жаркое, а золотистое, теплое, каким оно бывает только под защитой каменной стенки в Йоркшире, над которой поет ветер.

Я вытянул ноги и раскинулся на дерне, щурясь в сияющее небо, купаясь в блаженном забвении остального мира с его заботами.

Для меня это состояние было — и остается сегодня — особой радостью: это нежелание спускаться с вершин, эта потребность выбраться из стремительного потока жизни и несколько секунд побыть на его берегу никуда не торопящимся, посторонним зрителем.

Так просто! Лежать одному в тишине там, где только ветер вздыхает и посвистывает над пустынным

простором, а высоко-высоко в необъятной голубизне нескончаемо звенит веселая песенка жаворонков.

Впрочем, спускаться вниз, в Дарроуби, тоже было очень приятно, даже тогда, когда я еще не был женат. Ведь до того, как Хелен вошла в мою жизнь, я уже работал там два года; Скелдейл-хаус стал для меня родным домом, а двое его незаурядных обитателей — моими друзьями. Меня ничуть не угнетало, что братья были заметно талантливее меня. Зигфрид — непредсказуемый, импульсивный, щедрый сердцем. Мне очень повезло с моим партнером. Откуда у меня, городского мальчишки, хватило бы дерзости наставлять потомственных фермеров, как ухаживать за их больной скотиной, если бы я не находил опоры в его знаниях и руководстве? И Тристан, шалопай, как его называли, но какая умница, какая широкая натура! Его юмор и жизнелюбие вносили много света в мою жизнь.

А я все время набирался практического опыта в дополнение к теоретическим знаниям. Костяк сухих фактов, полученных в колледже, обрастал живой плотью, и во мне росла чудесная уверенность, что именно это мне и нужно, что я нашел свое призвание.

Минут через пятнадцать я поднялся на ноги, неторопливо потянулся, глубоко вдохнул хрустальный воздух и побрел к машине, чтобы по петляющей дороге спуститься в Дарроуби, от которого меня отделяло шесть миль.

Когда я затормозил у чугунной ограды, где сбоку от прекрасной двери восемнадцатого века медная дощечка с фамилией Зигфрида кривовато висела над моей, я взглянул вверх, на стену высокого старинного дома, на плющ, буйно вьющийся по изъеденному временем и ветрами кирпичу. Белая краска на дверях и оконных рамах облупилась, плющ следовало бы аккуратно подстричь, и тем не менее у этого здания

был свой стиль — непреходящее безмятежное изящество.

Но мои мысли в эти минуты занимало совсем другое. Тихонько ступая по цветным плиткам пола в коридоре, я бесшумно добрался до поворота в длинную пристройку к заднему фасаду. И как всегда, ощутил переполнявший ее запах нашей профессии — запах эфира, карболки и душистых порошков, которые мы подмешивали в лекарства для рогатого скота, чтобы сдобрить их вкус. Порошки эти обладали таким букетом, что и сейчас стоит мне его вдохнуть, как я переношусь на тридцать лет назад в прошлое.

А в этот день восприятие было тем острее, что цель моего появления там была не вполне невинной. Последний отрезок коридора я прошел уже на цыпочках, быстро свернул за угол и юркнул в аптеку. Затем бесшумно открыл дверцу шкафчика и выдвинул ящик. Я был твердо уверен, что Зигфрид спрятал в нем запасной копытный нож, и чуть было не испустил торжествующий смешок, когда ожидания меня не обманули. Вот он! Новехонький, с наточенным сверкающим лезвием и полированной деревянной ручкой.

Моя рука уже потянулась к нему, но тут над ухом раздался гневный вопль:

— А, попался! На месте преступления, черт подери!

Зигфрид, который, по-видимому, возник прямо из пола, метал в меня молнии.

Потрясение было столь велико, что нож выпал у меня из дрожащих пальцев и я прижался к бутылкам с формалиновой смесью.

— А... Зигфрид... добрый день, — выдавил я с вымученной улыбкой. — А я как раз собрался к Томпсону. К его лошади. Ну да вы знаете: у нее копыто загноилось. Мой нож куда-то запропастился, вот я и решил взять пока этот.

— Слямзить решили, так вернее будет! Мой запасной копытный нож! Право, Джеймс, для вас нет ничего святого!

От смущения я еще раз улыбнулся:

— Ну что вы! Да я бы сразу положил его на место.

— Рассказывайте вашей бабушке! — произнес Зигфрид с горькой усмешкой. — Больше бы я его не увидел, как вы прекрасно знаете. И вообще, где ваш нож? Забыли где-нибудь на ферме, так?

— Ну-у... По правде говоря, я подрезал копыто коровы Уилли Денхолма, а когда кончил, положил нож и, наверное, забыл его захватить с собой. — Я беззаботно засмеялся.

— Но как же так, Джеймс?! Вы вечно забываете инструменты! И выходите из положения, похищая мои! — Он вздернул подбородок. — Вы представляете себе, во что мне это обходится?

— Но ведь мистер Денхолм конечно же вернет нож, как только приедет за чем-нибудь в город.

Зигфрид удрученно кивнул:

— Не исключено. Да, не исключено. Но с другой стороны, вдруг он решит, что лучшего ножа, чтобы резать прессованный табак, не найти? Вспомните-ка комбинезон для отелов, который вы позабыли у Фреда Добсона. Снова я его увидел только через полгода — на старике Фреде! Он еще сказал, что лучшей одежды, чтобы жать в мокрядь, и не придумаешь.

— Я помню. И искренне сожалею...

Я умолк, вдыхая въедливый аромат порошков. Пакет на полу порвался, и запах был даже крепче обычного.

Мой партнер еще несколько секунд жег меня взглядом, а затем сказал, пожимая плечами:

— Ну да никто из нас не безупречен, Джеймс. Извините, что я на вас накричал. Но вы же знаете, я очень люблю этот нож, и меня безумно раздражает

манера все везде забывать. — Он снял с полки бутылку с микстурой от колик, особенно им ценимой, обтер стекло носовым платком и поставил бутылку на место. — Вот что, пойдете-ка присядем на минутку и хорошенько обсудим эту проблему.

Мы пошли назад по коридору и свернули в гостиную. Тристан при виде нас встал со своего любимого кресла и зевнул во весь рот. Его лицо выглядело таким же мальчишески простодушным, как всегда, но усталые морщины вокруг глаз и губ говорили сами за себя. Накануне вечером он с командой метателей дробовиков «Лорда Нельсона» ездил в Дрейтон и принимал участие в труднейшем состязании с командой «Пойнтера и ружья». В заключение они плотно поужинали и выпили литров по шесть портера на душу. Тристан добрался до постели около трех ночи и сейчас явно был в весьма разбитом состоянии.

— А, Тристан! — сказал Зигфрид. — Рад, что ты здесь, потому что то, о чем я буду говорить, касается тебя не меньше, чем Джеймса, — о привычке забывать инструменты на фермах, которая тебе свойственна в той же мере, что и ему. Я говорю очень серьезно, — продолжал мой партнер, опираясь локтем о каминную полку и глядя на нас поочередно. — Вы оба постоянно теряете дорогие инструменты и довели меня почти до банкротства. Конечно, кое-какие из них вам возвращают, но многие пропали бесследно. Какой смысл посылать вас куда-нибудь, если вы возвращаетесь без корнцангов, или ножниц, или щипцов? Ведь это чистый убыток, вы понимаете?

Мы безмолвно кивнули.

— В конце концов, разве так уж трудно вернуться со всеми инструментами? Возможно, вас ставит в тупик, почему я никогда ничего не забываю; ну так надо быть внимательным, и только. Когда я откладываю

инструмент, я всегда запечатлеваю в памяти, что его надо будет потом взять. И всё.

Покончив с нотацией, он принял деловитый тон:

— Ну хорошо. Не будем терять времени. Ничего срочного нет, Джеймс, а потому мне хотелось бы, чтобы вы поехали со мной к Кендаллу в Бруксайд. Всякие мелочи, и еще корова, у которой надо удалить опухоль. Подробностей не знаю, но, возможно, ее придется повалить. К Томпсону поедете оттуда. — Он повернулся к брату. — И ты тоже, Тристан. Не знаю, понадобится ли ты, однако лишний человек может пригодиться.

Мы образовали довольно внушительную процессию, входя во двор мистера Кендалла, который встретил нас с обычным своим энтузиазмом:

— О-го-го! Ну, в рабочей силе у нас нынче недостатка не будет, как погляжу. С такой оравой горы своротить можно!

Мистер Кендалл слыл в округе «смекалистым», что в Йоркшире имеет свое особое значение и подразумевает всезнайку. А то, что он вдобавок обожал всяческие розыгрыши и считал себя присяжным остряком, отнюдь не завоевало ему любви окрестных фермеров. Мне он казался человеком, скорее, неплохим, но неколебимое убеждение, что он все знает, все успел повидать на своем веку, одевало его непробиваемой броней.

— Так с чего бы вы хотели начать, мистер Фарнон? — осведомился этот плотный толстячок с круглым гладким лицом и ехидными глазками.

— Если не ошибаюсь, у одной из ваших коров что-то с глазом, — ответил Зигфрид. — Так с нее и начнем.

— Есть, ваша честь! — воскликнул фермер и сунул руку в карман. — Только для затравки возьмите вот

эту штуковину. — И он протянул ему стетоскоп. — Вы ее давеча забыли.

Наступила пауза, затем Зигфрид буркнул «спасибо» и поспешно выхватил стетоскоп из рук фермера. А тот продолжал:

— А раньше вы оставили кастрационные щипцы. Вот и вышла честная мена: я вам щипчики, а вы мне трубочку взамен оставили! — И он захохотал.

— Да-да, совершенно верно, — оборвал его Зигфрид, тревожно косясь на нас. — Но поторопимся. Так где же...

— Знаете, ребята, — сказал фермер, оборачиваясь к нам и все еще посмеиваясь, — не было такого случая, когда он чего-нибудь да не забывал.

— Правда? — спросил Тристан с горячим интересом.

— Ага! Да оставляй я все эти штучки себе, у меня бы их уже полный ящик набрался.

— Неужели? — вставил я.

— Из песни слова не выкинешь, молодой человек. И со всеми моими соседями то же самое. На днях кто-то мне так и сказал: «До чего же мистер Фарнон щедрый человек. Как заедет, так обязательно что-нибудь на память оставит!»

И он снова разразился веселым хохотом.

Нам с Тристаном было жаль прерывать этот разговор, но мой партнер уже широким шагом направился к коровнику.

— Где же эта чертова корова, мистер Кендалл? У нас не так уж много времени.

Найти пациентку оказалось нетрудно: упитанная, светло-бурой масти корова повернула голову и оглядела нас одним глазом. Второй был почти закрыт, и сочащиеся сквозь ресницы слезы оставляли темную дорожку на морде. Веки мучительно подергивались.

— Чем-то она его засорила, — пробормотал Зигфрид.

— Это я и сам знаю. — Мистер Кендалл всегда все знал сам. — Ость ей впиалась в глаз, только вот добраться до нее я не могу. Сами поглядите!

Он ухватил корову за морду одной рукой, а пальцами другой попытался раздвинуть веки, но по главному яблоку скользнуло третье веко, и оно закатилось, так что видна была только белая поверхность склеры.

— Видали! — воскликнул фермер. — И ничего не разобрать. Закатывает глаз, да и все тут.

Зигфрид повернулся к брату:

— Тристан, принеси из машины намордник для хлороформа. И поживее!

Тристан обернулся меньше чем за минуту. Зигфрид быстро натянул на морду коровы парусиновый мешок и застегнул его за ушами. Из банки со спиртом он извлек особые щипчики с пружинкой и нацелил их на закрытый глаз.

— Джеймс! — скомандовал он. — Дайте ей унцию!

Я накапал хлороформ на губку перед самой коровой мордой. Секунд десять все оставалось по-прежнему, но вот, несколько раз вздохнув, корова вдруг широко раскрыла изумленные глаза, ощутив в горле неведомые одурманивающие пары.

Вся пораженная часть глаза оказалась перед нами — поперек темной радужной оболочки золотистой чертой лежала ость. Впрочем, я даже не успел ее разглядеть, как Зигфрид защебил ее щипчиками и выдернул.

— Тристан, выдави ей в глаз немного вот этой мази, — распорядился он. — А вы, Джеймс, снимите намордник, пока ее не зашатало.

Корова, избавившись не только от намордника, но и от занозы в глазу, поглядела вокруг с явным облегчением. Вся операция не заняла и двух минут и была проделана с образцовой точностью, но мистер Кендалл, несомненно, счел ее не стоящим внимания пустишком.

— Ну и ладно, — пробурчал он. — Пошли дальше.

Мы двинулись по проходу, и, случайно поглядев за дверь, я увидел лошадь, которую вели через двор. Зигфрид кивнул на нее:

— Это что, тот мерин, у которого я оперировал свищ холки?

— Он самый, — равнодушно ответил фермер.

Мы вышли во двор, и Зигфрид провел ладонью по плечам коня. Только широкий рубец на холке напоминал о зловонном гнойнике, мучившем животное несколько недель назад. Рана зажила безупречно. Свищи трудно поддаются лечению, и я живо представил себе, как Зигфрид иссекает омертвевшие ткани, как чистит рану, пока не остались только здоровые мышцы и кость. Его усилия увенчались полным и блистательным успехом.

Зигфрид еще раз на прощание похлопал своего бывшего пациента по холке:

— Недурно было сделано.

Мистер Кендалл пожал плечами и зашагал назад к коровнику, бросив через плечо:

— Да, вроде бы неплохо.

Но сказал он это с полным безразличием.

Корова с опухолью стояла возле самой двери. Новообразование, круглое, гладкое, точно яблоко, торчало в промежности пальца на два правее хвоста.

Мистер Кендалл уже вновь бушевал:

— Посмотрим, посмотрим, как вы с этим справитесь! Чем будете выковыривать такую штуkenцию?

Смотрите, до чего здоровенная! Без мясницкого ножа, а то и пилы вам не обойтись! А ее-то как, усыплять станете или свяжете? — Он ухмылялся и поочередно сверлил каждого из нас посверкивающими глазками.

Зигфрид протянул руку, ухватил опухоль и начал кончиками пальцев ощупывать ее основание:

— Гм!.. да... гм... Принесите мне, пожалуйста, воды, мыло и полотенце.

— Все готово, за дверьми стоит! — Мистер Кендалл выскочил во двор и тотчас вернулся с ведром.

— Благодарю вас, — сказал Зигфрид, вымыл руки и долго вытирал их полотенцем. — А теперь что? Если не ошибаюсь, тенок с поносом?

Фермер вытаращил глаза:

— Верно, имеется такой. Только, может, прежде все-таки уберете с коровы эту шишку?

Зигфрид аккуратно сложил полотенце и повесил его на нижнюю створку двери.

— Опухоль я уже удалил, — сказал он невозмутимо.

— Как так?

Мистер Кендалл уставился на коровий хвост, мы с Тристаном тоже. Да, бесспорно, — опухоль исчезла. И еще чудо: на шкуре не осталось ни шрама, ни царапины, ни другого свидетельства, что она там была. Я стоял совсем рядом с коровой и вперял взгляд в то самое место, где минуту назад торчал этот безобразный бугорок, — и хотя бы капелька крови на шерсти! Ну абсолютно ничего.

— А-а... — неопределенно протянул мистер Кендалл. — Вы... э... значит, удалили... Ага, удалили ее, значит.

Улыбка исчезла с его лица, и он сразу угас. В своей излюбленной роли человека, который все знает

и ничему не удивляется, он не мог спросить прямо: «Когда ж это вы, черт подери, ее удалили? Как? И где же она?» Ему любой ценой надо было спасти свое достоинство, но случившееся его явно потрясло. Он шарил взглядом по стойлу, по стоку. Но стойло было чисто выметено — ни клочка сена, ни соломинки, и на полу ничего не валялось. Небрежно, словно невзначай, он отодвинул ногой табурет для доения. Но и под ним — ничего.

— Ну, так посмотрим теленка, — сказал Зигфрид и пошел по проходу. Мистер Кендалл закивал:

— Да-да! Теленок! Он вон в том углу. Я только ведро захвачу.

Это был явный предлог. Он пошел за ведром вокруг коровы и, оказавшись позади нее, быстро выхватил очки, водрузил их на нос и ожег взглядом коровий зад. Все это заняло не более секунды, потому что выдавать своего огорчения он не хотел, но, когда присоединился к нам, его лицо дышало безнадежным отчаянием, и он уныло снял очки, словно признавая свое поражение.

Тем временем я толкнул Зигфрида локтем и прошипел:

— Где она, черт возьми?

— У меня в рукаве, — шепнул Зигфрид, не шевельнув губами и сохраняя прежнюю невозмутимость.

— Что?.. — начал было я, но Зигфрид уже перелезал через дверцу в закуток, где к стене жался теленок.

Он осматривал малыша, источая доброжелательность, а потом делал ему инъекцию, все время болтая о том о сем, и мистер Кендалл, надо отдать ему должное, сумев выдавить на своем лице улыбочку, вносил должную лепту в разговор. Но его рассеянность, расстроенные глаза и недоверчивые взгляды, которыми

он нет-нет да обводил проход, выдавали, чего это ему стоило.

А Зигфрид не торопился. И, даже кончив заниматься теленком, еще некоторое время медлил во дворе, обсуждая погоду, травостой, цены на упитанных бычков.

Мистер Кендалл страдал, но не сдавался. Однако к тому времени, когда Зигфрид наконец помахал ему рукой на прощание, глаза фермера совсем вылезли на лоб, а лицо превратилось в трагическую маску. Машина еще только начала разворачиваться, а он уже юркнул в коровник, и я успел увидеть в открытую дверь, что он снова нацепил очки и всматривается в темный угол.

— Бедняга! — заметил я. — Все еще пытается ее отыскать. Но, пожалуйста, скажите, где она все-таки?

— Я же вам сказал! — Зигфрид снял одну руку с руля и встряхнул ее. Ему в ладонь скатился розовый шар.

Я изумленно уставился на опухоль:

— Но... я не заметил, как вы... Что произошло?

Зигфрид снисходительно улыбнулся:

— Я ее ощупывал, проверяя, глубоко ли она сидит. И вдруг почувствовал, что она задвигалась у меня под пальцами. Под самой кожей сидела. И чуть я нажал сильнее, как она выпрыгнула наружу — и угодила прямо мне в рукав. А края кожи тут же сомкнулись, так что никакого следа не осталось. Удивительная вещь, надо признаться.

Тристан перегнулся через спинку сиденья.

— Дай ее мне, — сказал он. — Захвачу ее с собой в колледж и сделаю срезы. Установим, что это за штука.

Его брат улыбнулся:

— Наверное, выяснится, что она носит какое-нибудь пышное название. Но для меня она навсегда останется тем, что все-таки выбило мистера Кендалла из колеи!

— Вообще интересный визит, — сказал я. — И меня восхитило, как вы вытащили эту занозу из глаза, Зигфрид. Блестяще, надо признаться.

— Вы очень любезны, Джеймс, — проворковал мой партнер. — Просто один из моих давних приемов. Ну и, конечно, щипчики заметно облегчают дело.

Я кивнул:

— Да, они просто прелесть. Ничего похожего я никогда не видел. Где вы их нашли?

— В киоске с инструментами на последнем ветеринарном конгрессе. Выложил кучу денег, но они того стоят. Вот посмотрите... — Он сунул руку в нагрудный карман, потом пошарил в боковых, и, пока он продолжал ощупывать пиджак, по его лицу медленно разливалось выражение унылой безнадежности.

Наконец он оставил поиски, откашлялся и устремил взгляд на шоссе впереди.

— Я... э... покажу их вам как-нибудь в другой раз, Джеймс, — произнес он сипло.

Я промолчал, но я-то знал. Как и Зигфрид, как и Тристан.

Мы все трое знали, что он забыл их на ферме.

ИСКУССТВО ЛЕЧИТЬ НЕ ПРОСЫПАЯСЬ

Когда я забрался в постель и обнял Хелен, мне вновь пришло в голову, что мало какое наслаждение в мире сравнимо с возможностью согреться возле любимой женщины, когда ты промерз до мозга костей.

Электрических одеял в тридцатых годах не было и в помине. А как бы они тогдагодились сельским ветеринарам! Просто поразительно, до какой степени способен околеть человек, когда его в глухую ночь стаскивают с постели, а затем он раздевается в холодном коровнике или хлеву, еще совсем сонный и вялый. И даже возвращение в постель превращалось в муку: сколько раз я, обессиленный, битый час тщетно пытался уснуть, а заледеневшие руки и ноги никак не желали отходить.

Но с тех пор, как я женился, все это кануло в область мрачных воспоминаний. Хелен пошевелилась во сне — она уже привыкла к тому, что ее муж ночью исчезает, а затем появляется вновь, превращенный в ледышку, — и инстинктивно теснее прижалась ко мне. С блаженным вздохом я ощутил, что отогреваюсь, и тотчас события двух последних часов отодвинулись в неизмеримую даль.

Все началось с требовательного телефонного звонка у меня над ухом в час ночи. Уже наступило воскресенье, а у фермеров была привычка: после долгого субботнего вечера зайти поглядеть скотину, да и решить, что без ветеринара тут никак не обойтись.

На этот раз звонил Гаролд Ингльдю. И я сразу же сообразил, что он только-только успел вернуться после обычных своих пяти литров пива в «Четырех подковах», где не очень-то соблюдался час закрытия, установленный законом.

В хриповатом дребезжании его голоса проскальзывала предательская невнятность.

— Овца у меня не того. Приедете, что ли?

— Она очень плоха? — В дурмане сна я всегда цепляюсь за надежду, что в одну прекрасную ночь услышу в ответ: «Да нет, пожалуй. Можно и до утра подо-

ждать...» Надежда эта неизменно остается тщетной. Обманула она меня и на этот раз.

— Куда уж хуже-то. Вот-вот помрет.

«Нельзя терять ни секунды!» — мрачно подумал я. Впрочем, она, вероятно, помирала весь вечер, пока Гаролд предавался возлияниям.

Однако нет худа без добра: больная овца ничем особо страшным не грозила. Другое дело, когда выбираешься из-под одеяла в ожидании тяжелой и долгой работы, а у самого ноги от слабости подгибаются. Но с овцой я, без сомнения, сумею обойтись методичкой полубдения, а попросту говоря, успею съездить туда, сделать все, что потребуется, и вернуться под одеяло, так до конца и не проснувшись.

Ночные вызовы на фермы настолько обычны в нашей практике, что мне волей-неволей пришлось усовершенствовать вышеупомянутую методичку, как, подозреваю, и многим моим коллегам. И должен сказать, я много раз прекрасно со всем справлялся, так и не выходя из сомнамбулического состояния.

И вот, не открывая глаз, я на цыпочках прошел по коврику и натянул рабочий костюм, затем все так же в полудреме спустился по длинным лестничным маршам, открыл боковую дверь... но тут даже и под защитой садовой стены ветер ударил мне в лицо с такой силой, что никакая методика не помогла. Совсем пробудившись, я вывел машину задним ходом из гаража, тоскливо слушая, как стонут в темноте верхушки гнущихся вязов.

Впрочем, выехав из города, я все-таки сумел погрузиться в полусон и принялся размышлять об удивительных противоречиях в характере Гаролда Ингльдю. Неумная страсть к пиву совершенно не вязалась с его обликом. Это был щуплый старик лет семидесяти, тихий как мышь, и, когда в базарный день он изредка

появлялся у нас в приемной, от него было трудно слова добиться: пробормочет что-нибудь и снова надолго замолкает. Одетый в выходной костюм, явно мешковатый — морщинистая шея сиротливо торчала из воротничка, — он являл собой портрет благопристойнейшего, тишайшего обывателя. Водянистые голубые глаза и худые щеки дополняли это впечатление, и лишь густой багрянец на кончике носа намекал на иные возможности. Его соседи в деревне Терби отличались степенностью, лишь изредка позволяя себе пропустить за дружеской беседой кружечку-другую, и не далее как неделю назад один из них сказал мне не без горечи:

— Гаролд-то? От него просто спасу нет!

— То есть как это?

— А вот так. Каждый субботний вечер и еще когда с рынка воротится, уж он обязательно будет распевать во всю глотку до четырех утра.

— Гаролд Ингльдю? Быть не может! Он же такой тихий, неприметный!

— Да только не по субботам.

— Просто представить себе не могу, чтобы он — и вдруг запел!

— Вы бы пожили с ним бок о бок, мистер Хэрриот! Ревет, что твой бык. Никто глаз сомкнуть не может, пока он не уgomонится.

Этим сведениям я затем получил подтверждение из другого источника. А миссис Ингльдю, объяснили мне, потому мирится с вокальными упражнениями мужа по субботам, что все остальное время он безропотно ей подчиняется.

Дорога в Терби круто уходила то вниз, то вверх, а затем нырнула с гребня в долину, и я увидел полумесяц спящих домов у подножия холма, днем мирно

и величаво вздымающегося над крышами, но теперь жутко черневшего в свете луны.

Едва я вылез из машины и торопливо зашагал к задней двери дома, как ветер снова на меня набросился и я сразу очнулся, словно в лицо мне выплеснули ушат ледяной воды. Но я тут же забыл о холоде, оглушенный немислимыми звуками. Пение... хриплое надрывное пение гремело над булыжным двором.

Оно вырывалось из освещенного окна кухни.

Нежно льется песня, угасает день...

Я заглянул в окошко и увидел, что Гаролд сидит, вытянув ноги в носках к догорающим углям в очаге, а его правая рука сжимает бутылку с портером.

В сумерках безмолвных тишина и лень! —

выводил он от всей души, откинув голову, широко разевая рот.

Я забарабанил в дверь.

Пусть устало сердце от дневных забот! —

ответил жиденкий тенорок Гаролда, обретая мощь баса-профундо, и я вновь принялся нетерпеливо дубасить по филенке.

Рев стих, но я ждал невероятно долго, пока наконец не щелкнул замок и не скрипнул отодвигаемый засов.

Щуплый старикашка высунул нос в дверь и поглядел на меня с недоумением.

— Я приехал поглядеть, что у вас с овцой.

— Верно! — Он коротко кивнул без следа обычной стеснительности. — Сейчас. Только сапоги натяну. — Дверь захлопнулась перед самым моим лицом, и я услышал визг задвигаемого засова.

Как ни был я ошеломлен, но все же сумел сообразить, что у него не было ни малейшего желания оскорбить меня. Задвинутый засов свидетельствовал только, что он машинально проделывает привычные движения. Тем не менее он оставил меня стоять в не слишком уютном уголке. Любой ветеринарный врач скажет вам, что во дворе каждой фермы обязательно есть места, где заметно холоднее, чем на вершине самого открытого холма, и я находился именно в таком месте. Сразу же за кухонной дверью зиял черный провал арки, за которой начинались поля, и оттуда тянуло такой арктической стужей, что я ооченел бы и в куда более теплой одежде.

Я поеживался, притопывая, прихлопывая, и тут вновь загремело пение:

Помнишь речку под горою, Нелли Дин?

Я метнулся к окошку: Гаролд, вновь расположившись на стуле, без особой спешки натягивал на ногу большой башмак. Ни на секунду не умолкая, он слепо тыкал шнурком в дырочку и время от времени подкреплялся глотком портера.

Я постучал в стекло:

— Мистер Ингльдю! Поторопитесь, если можно.

Где сидели мы с тобою, Нелли Дин? —

завопил в ответ Гаролд.

К тому времени, когда он обулся, зубы у меня уже выбивали чечетку, но в конце концов он все-таки возник в дверях.

— Идемте же! — проскрежетал я. — Где овца? В каком сарае?

Старик только брови поднял:

— А она и не тут вовсе.

— Как «не тут»?

— А вот так! Наверху она.
— Где дорога с холма спускается?
— Верно. Я, значит, шел домой, ну и поглядел, как она да что.

Я постучал ногой об ногу и потер ладони:

— Значит, надо ехать туда. Но воды там ведь нет? Так захватите с собой ведро теплой воды, мыло и полотенце.

— Будет сделано! — Он торжественно кивнул, и не успел я сообразить, что происходит, как дверь захлопнулась, засов скрипнул и я остался один в темноте. Не теряя времени, я затрусил к окну и без малейшего удивления узрел, что Гаролд уже вольготно восседает на стуле. Но вот он наклонился, взял чайник — и меня пронзил ужас при мысли, что он намерен подогреть воду на еле тлеющих углях. Затем с невыразимым облегчением я увидел, что он берет ковш и погружает его в котел на закопченной решетке.

В небесах зажглась звезда, ласково журчит вода! — заливался он соловьем, с упоением наполняя ведро. Обо мне он, видимо, успел забыть и, когда вновь появился на пороге, оглядел меня с большим недоумением, продолжая распевать.

Я люблю одну тебя, Нелли Дин! —

сообщил он мне во весь свой дребезжащий голос.

— Ну и ладно, — буркнул я. — Поехали!

Я торопливо усадил его в машину, и мы покатали обратно, вверх по склону.

Гаролд поставил ведро к себе на колени несколько наклонно, и вода тихонько плескала мне на ногу. Вскоре воздух вокруг настолько пропитался пивными парами, что у меня слегка закружилась голова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Интересный визит к мистеру Кендаллу	5
Искусство лечить не просыпаясь.....	17
Джок, самая быстрая собака	28
Стойкий ягненок Герберт	37
Пес-великан	49
Беда всегда ходит циклонами	57
Свинья Пруденция свою выгоду знает	66
Кольцо в нос за двадцать минут	77
Друзья и враги домашнего вина	85
Собака миссис Донован	97
Злоключения терьера Пипа	112
Пип обретает настоящий дом	121
Раз теряешь, значит есть что терять	126
Вознагражденные усилия.....	138
Тайна Рейнесского привидения	147
Удачная операция спаниеля Дины	164
Неблагодарный бык Ньютон Монморанси	173
Старый добрый конь Барсук.....	186
Коза и трусы фермера Керби.....	200
Ветеринар-практик Мармадьюк Скелтон.....	210
Развлечения с кисками миссис Бонд	223
Моди, черная кошечка полковника Бозуорта	233
Клиенты бывают разные	249
Богатый студент и злая собачонка	257
Падение и взлет студента-практиканта	266

Жизнь против воли врача	275
Пудель Пенни — неожиданный хеппи-энд.....	284
Пес Сэм, бык Билл и попугайчик Питер Второй	291
В ожидании щенков для миссис Кух	301
Собаки семьи Диммок	309
Фрэнк Меткаф между городом и деревней	326
Искусство выработать безмятежный взгляд на мир	340
Лучше поздно, чем никогда	355
Джип, немая собака	360
Тристан в роли мученика	370
Волшебное исцеление телят	376
Такса Магнус, сеттер Рок и фокстерьер Тимм	386
Прощальный визит к Бенджамину	402